

людей, а другой для прочихъ святыхъ силъ. Во всѣхъ великихъ дѣлахъ правды и долга, законъ для серафимовъ въ то же время и законъ для ангеловъ, а законъ для ангеловъ будетъ и закономъ для людей.

„Такъ какъ безусловно несомнѣстимо съ нашимъ понятіемъ о небесномъ мірѣ представлениe о томъ, чтобы власть надъ жизнью и смертью была бы изъята изъ рукъ Бога, и чтобы ангелы и серафимы имѣли бы право прекращать жизнь другъ друга, то точно такъ же существованіе такого права не представляется намъ возможнымъ и во время Тысячелѣтія, а если въ эру Хелазмы люди не будутъ имѣть права надъ жизнью и смертью другъ друга, то, слѣдовательно, они этого права не имѣютъ и теперь.

„Тотъ же законъ, который управляетъ нами теперь, будетъ управлять нами и тогда. У насъ есть Новый Завѣтъ—онъ же будетъ у насъ и тогда. Вся разница лишь въ томъ, что мы тогда будемъ лучше понимать его и любить мы будемъ сильнѣе и искрѣннѣе.

„Ничего къ Новому Завѣту не прибавится, ничего отъ него не отпадетъ.

„Если законъ Христа не признаетъ неприкосновенность человѣческой жизни теперь,—то неприкосновенность эта никогда не будетъ признана. Если законъ Христа не запрещаетъ теперь войнъ, то онъ никогда запрещены не будутъ. Допустивъ, что теперь можетъ существовать законное непреступное убийство, что у кого-либо можетъ быть право въ настоящее время отнять жизнь у человѣка, то и во время водворенія на землѣ Царства Бога нужно будетъ признать убийство законнымъ, правымъ и дозволеннымъ даже и въ ангелоподобномъ состояніи людей.

„А потому, говоря, что жизнь человѣческая будетъ неприкосновенна во время Тысячелѣтія, и что тогда не бу-